

Красивые молодые люди

Отец за завтраком жаловался на изжогу, и теперь они опять никуда не поедут. Даже в город, хотя в городе делать, честно говоря, нечего. Вчера мама взяла его с собой, и он было надеялся, сам уж и не знал на что, чужая страна и все такое, но они сначала тряслись в переполненном автобусе, а потом бегали по магазинам. В витринах красивые манекены красиво стояли в красивых шубах, у пластиковых женщин не было лиц, но это делало их только лучше. Они с мамой заходили в тесные лавки, к ним тут же подбегали живые женщины, тоже красивые, хотя как-то слишком с лицами, слишком яркие, черное, белое, красное, на плохом русском уговаривали примерить то и то, мама накидывала на плечи, на бретельки летнего белого платья то одну шубу, то другую, поворачивалась в зеркалах боком. Спрашивала: «Как ты думаешь, заяц, меня не полнит?»

Ему хотелось, чтобы все это скорее кончилось, он говорил: «Нет, тебе хорошо, правда, мам, просто здорово», хотя как вообще шуба может не полнить? Мама в шубе делалась похожей на бочонок, но черноволосые белолицые девушки с красными губами уверяли, что она просто замечательно, замечательно выглядит, но мама, похоже, не очень-то им верила и просила принести вон ту, с поясом, и девушки приносили вон ту, с поясом, и ему казалось, что под их улыбки прячутся очень острые зубы, и красные губы вот-вот

приоткроются, и зубы эти начнут расти и расти, как это бывает в фильмах про вампиров...

Потом приходил откуда-то из глубины магазина круглый лысоватый и волосатый человек, разгонял девушек, называл маму «моя красавица» и самолично набрасывал маме на плечи очередную шубу, и мама начинала дышать чаще, потому что в шубе даже в магазине с работающими кондиционерами все-таки жарко.

В каждом магазинчике, где продают меха, вся эта муть очень повторялась раз за разом, а когда он попросил купить ему мороженое, то мама показала на табличку, из которой стало ясно, что с мороженым в дурацкие магазины не пускают. В конце концов она все-таки купила ему мороженое, и они сели на лавочку на набережной, и мороженое быстро растаяло и протекло ему на штаны, и мама рассердилась, почему он никогда не ест аккуратно. Мороженое к тому же оказалось не очень вкусным.

Шубу они так и не купили.

Папа обещал, что они поедут в горы кататься на осликах, была такая экскурсия, впрочем, папа еще говорил, что драть за ослов такие деньги — это жестоко, и что он даже и не знает, на каких ослов это вообще рассчитано. Но раз изжога, то они, конечно, никуда не поедут.

На пляж они тоже не пошли, потому что жарко. Мама плохо переносила жару, а на пляже, хотя тенты и разноцветные зонтики производили веселую разноцветную тень, конечно, было здорово жарко. Ему-то как раз нравилось — на пляже и должно быть жарко, иначе это не пляж, а фигня какая-то.

Вместо этого они с мамой устроились у бассейна — мама в шезлонге под тентом, а он у воды, хотя мама и кричала время от времени, чтобы он посидел рядом с ней, а не торчал на самой жаре. Рядом с большим бассейном был еще один бассейн — для мелкоты, и в нем мама позволяла ему купаться, хотя он с завистью смотрел, как пацаны примерно его лет радостно бултыхались в большом — и веселые загорелые родители с ними. А мама в воду не пошла, сказала — не хочется. Как может не хотеться в воду?

Он любил смотреть на воду, хотя бассейн — это, конечно, совсем не то. В море, если смотреть на воду с пирса, видно, как солнце прыгает по ней, так что огненные полосы выписывают в глазах восьмерки и нули... Еще видно, как в глубине, ну не такой уж глубине, если честно, в темных водорослях на хвостах стоят мелкие рыбки, он, когда нырял, пытался поймать одну, но не смог, сжал кулак, но кулак оказался пустым. Это потому, что у него нет маски, в маске гораздо лучше, наверное.

Но вода — это все равно здорово, даже в мелком бассейне она была зеленая-зеленая и вся переливалась на солнце. На стенках бассейна плясала световая сеть.

— А я знаю, почему вода у них такого цвета.

Он уже видел этого мальчика. Вчера утром, на пляже вместе с молодыми веселыми родителями, а сегодня утром за завтраком: они, все трое, накладывали себе на тарелки горы разноцветных фруктов, и отец мальчика смеялся громко и раскатисто и хлопал мальчика по плечу.

— Думаешь, они ее красят? — чужой мальчик сел на край бассейна и свесил ноги в воду.

Он не думал ничего такого, но сейчас вдруг понял, что вода и правда не такая, как в море, и цвет у нее плоский и неправильный.

— Ну да, — сказал он, потом откашлялся и снова сказал: — Стопудово.

— Вот и нет! Там просто плитка такого цвета. Ну, зеленого. А в большом бассейне — синего. Оптический эффект. Они всегда так делают. А сама вода обыкновенная. Прозрачная. Зато они добавляют туда такое вещество, и если пописать в воду, оно делается красным. Это чтобы никто не писал в воду.

Чужой мальчик был загорелым и худым. На висках волосы были выстрижены в три косые узкие полоски, между полосками белела незагорелая кожа. Ему стало завидно.

— А мы поедem в горы кататься на осликах, — сказал он.

— На осликах — фигня, — мальчик пожал острыми плечами, кожа на них успела обгореть, облезть и загореть, но

неровно, пятнами, и оттого походила на шелушащуюся шкурку молодой картошки, — я ездил. Скучища. Они еле тащатся, считай, весь день убит. Мы на яхте скоро поедem. Вон на той, на белой... Это круче, они заплывают на острова, там хоть голяком купайся, никого нет, и нырять можно, а еще ночная рыбалка, с лодки, на свет, тыловишь рыбу, а они тебе ее прямо сразу жарят на углях.

Ему отчаянно, аж до зуда захотелось оказаться на ночной лодке, он видел в какой-то передаче, как рыбачат со светом, мама вообще-то не очень любила, когда он смотрит телевизор, потому что там много жестокости и насилия, но про животных и путешествия разрешала. После этих передач он воображал себе, как вырастет и станет знаменитым путешественником, вероятнее всего, кинооператором или фотографом, знаменитым...

— А я с парашютом спрыгну, — сказал он, — вон с той вышки. Мне папа позволил.

— Я прыгал, — чужой мальчик вновь пожал плечами.

— С этой вышки? Ну и как?

— Да нет, я с самолета прыгал. Один раз, правда.

— И... как? — Он не смог скрыть любопытства и сам этого стыдился. — Страшно?

— Ну, — сказал чужой мальчик, — немножко. Но человек должен все испытать в жизни. Я, правда, с инструктором прыгал. Ух ты, какая телка.

Он поначалу даже не понял, но потом сообразил, что чужой мальчик имеет в виду красивую высокую женщину, на миг застывшую на краю взрослого бассейна. На фоне бьющего в глаза солнца женщина казалась голой, волосы убраны под купальную шапочку, и оттого голова тоже казалась голой, в целом это походило на то, что ожил один из витринных манекенов... красиво.

— Они только сегодня приехали, — чужой мальчик кивнул, как бы подтверждая свои слова, — она и ее мужик.

Женщина согнулась под красивым углом и бесшумно вошла в воду. Они оба наблюдали, как она плавает, расталкивая колеблющиеся блики, темная тень на дне чуть впереди...

— Ходят, держатся за руки, как маленькие. Смешно.

— Может, им так нравится.

— Понятное дело, нравится. Просто смешно. А ты знаешь, как дети делаются?

— Кто ж не знает.

Они помолчали.

Женщина доплыла до противоположной стенки бассейна, сложилась, перевернулась, оттолкнулась ногами и поплыла обратно. Он никогда не видел, чтобы так красиво плавали, только разве по телевизору.

— А мы на раскопки поедем, — сказал он наконец, — там древние люди жили. И можно найти всякие древние штуки. Монеты, например. Древние монеты.

— Да ну, — сказал чужой мальчик, — кому это нужно.

— У меня уже есть одна. Только стерлась сильно.

— Заяц!

Маме надоело лежать в шезлонге, она встала и шла к ним по краю бассейна, на ходу натягивая через голову сарафан, она была совсем не похожа на ту женщину, он видел белые расходящиеся полосы на животе и бедрах, складку кожи, нависающую над купальными трусиками, уходящий в глубину пупок. У него и у чужого мальчика пупок выдается, а у взрослых как бы в ямке. Почему так? Непонятно.

— Это ты, что ли, заяц?

— Она так меня зовет. Ей нравится.

— По-моему, довольно глупо, — сказал чужой мальчик.

Ему хотелось угодить чужому мальчику и согласиться, что да, мол, глупо, тем более ему и самому не нравилось, когда его прилюдно называли зайцем, но что-то мешало, и он молчал.

— Пойдем. Скоро обед, папа будет сердиться... Ему надо вовремя кушать, ты же знаешь.

Он встал. Ему показалось, что чужой мальчик еле заметно, но насмешливо улыбается. Его родителям, наверное, вообще по фигу, когда кто обедает. Может, они вообще тут не обедают, а едят в город или ходят в один из маленьких беленьких ресторанчиков на берегу, там, наверное, все гораздо вкуснее...

Он хотел бы сесть за столик на террасе, но мама сказала, нет, на террасе жарко, а здесь кондиционер, и он неохотно сел за столик в зале, где на стене было нарисовано ненастоящее, слишком яркое и плоское море и ненастоящие, слишком белые паруса и чайки... Кондиционер шумел сильнее чем обычно, к тому же после солнца было слишком холодно, и кожа сразу покрылась пупырышками, а футболку он оставил в номере.

Новая женщина и ее мужчина сели за столик на террасе, он видел в окно, как они смеются и пьют что-то из высоких запотевших бокалов. В зале нельзя сидеть голяком, а на террасе — пожалуйста, и мужчина был в одних плавках. Даже отсюда было видно, какой он высокий и загорелый, грудь вся в переливающихся квадратных мышцах. Женщина что-то сказала, загорелый мужчина засмеялся, протянул ей блюдечко с нарезанным лаймом. Он уже знал, что это лайм. А сначала думал, такой незрелый лимон.

Женщина распустила волосы — вокруг головы стоял как бы бледный пушистый ореол.

— Посмотри на него. Почему он так горбится?

Отец почти никогда не обращался к нему напрямую, всегда через маму, словно он дурак какой-то или иностранец, который не понимает, о чем говорят. Мама тут же сказала:

— Заяц, не горбись. И надень футболку. Тебе ж холодно, вон, весь в гусиной коже.

— Я ее там оставил.

— Ну пойди, оденься.

— Ты ж сама сказала — быстро.

— Ну подождали бы пять минут. Тут знаешь как легко простыть, снаружи жара, а тут кондишн..

— Ты сказала, быстро, — повторил он упрямо, потом сполз со стула и пошел к выходу.

— Заяц, ты куда?

— Одеваться, — бросил он на ходу.

— Не знаю, что с ним творится такое, — озадаченно произнесла мать, — всегда такой ласковый был ребенок. Это, наверное, жара. Он слишком много сидит на солнце.

Он подобрал футболку, которая так и лежала на подстилке — подстилка полосатая, а футболка ярко-красная, — и побрел обратно.

Чужой мальчик по-прежнему сидел у бассейна и деловито смотрел на часы. У него были специальные часы, которые не боялись воды — на разноцветном гелевом ремешке, и сами часы разноцветные, веселые. В таких, наверное, удобно плавать.

— А чего ты не идешь обедать? — ему не то чтобы хотелось говорить с чужим мальчиком, но молчать было совсем уж неловко.

— Мы в город едем, — мальчик продолжал разглядывать часы, — сейчас они оденутся, и поедем. Там есть такой ресторан на башне, мы там уже один раз были... весь город видно, и еще там хорошая кухня. У них там шеф — француз, слышь? Не то что здесь. Тут отстой. А потом поедем на яхте.

Женщина за столиком и ее красивый мужчина теперь сидели молча, она подперла голову рукой и смотрела на море. Он на всякий случай тоже обернулся и посмотрел на море. Может, вечером все-таки удастся уговорить маму пойти искупаться?

— Хочешь, что-то скажу?

— Ну, — чужой мальчик расстегнул ремешок, потом опять застегнул его, уже потуже, и теперь поворачивал запястье, чтобы проверить, болтаются часы или нет.

— Только это... никому нельзя. Это тайна.

— Ну? — равнодушно сказал чужой мальчик.

— Видишь, вот эти, за столиком?

— Ну.

— Это и есть настоящие мои родители.

— Что за хрень, — сказал чужой мальчик, — они даже с тобой и не разговаривают.

— Так надо, — сказал он, — это потому, что... он бизнесмен. Мой папа. Крупный. И вот его партнер... стал вымогать у него весь его бизнес. И сказал — что если папа не отдаст бизнес, он похитит меня и убьет. И папе и маме пришлось меня спрятать. Они нашли хорошую семью... и договорились,

что те как бы будут мои родители. Не совсем, понарошку. Но они же скучают без меня, понимаешь? Вот, приехали посмотреть. Только им приходится делать вид, что они меня не знают. А то этот их партнер... он подослал специальных людей. Которые следят. И все сразу всё узнают. Поэтому нельзя, понимаешь?

— Все ты врешь, — сказал чужой мальчик равнодушно.

— Ничего я не вру. Они куда угодно могут. А приехали сюда. Они... я знаешь, как скучаю.

Он почувствовал, что на глаза навернулись слезы, и сердито стер их ладонью.

— Мама... она работала танцовщицей в одном ночном клубе. Вот... И он пришел туда, и они сразу, как только друг друга увидели, они влюбились друг в друга, и он...

— Это сериал такой был, — сказал чужой мальчик, — я его смотрел. Он скучный. А ты похож на своего папу. Настоящего папу. Он толстый, и ты толстый. Он ходит вот так, — мальчик пальцами изобразил, как ходит папа, — и ты ходишь вот так. И мама у тебя толстая. Мой папа сказал, вы лузеры, и чтобы я с тобой не водился. Вот как он сказал. Он сказал, это заразно. Лузерство заразно. Вроде как ветрянка. Или свинка. А при свинке знаешь что бывает? Опухают яйца. Как у слона, чес-слово...

— Мой папа не лузер, — сказал он и прикусил нижнюю губу, чтобы она не дрожала, но говорить с прикушенной губой не получалось, и голос стал срываться, — это вообще не мой папа. Мой папа специально приехал, чтобы на меня посмотреть. Они скучают без меня, ясно? Но ничего, мой папа скоро наймет киллера, и тот убьет его делового партнера, и тогда они меня опять заберут домой. Он уже нашел хорошего киллера. Классный киллер, он этого пристрелил, ну как его...

— Да ладно гнать, — чужой мальчик встал, — надоело. Давай лучше проверим, оно правда красным делается, если пописать в воду?

Чужой мальчик деловито слез в бассейн по ступенькам — спиной вперед и встал у стенки. Переломанная водяная тень

прыгала вокруг него; солнце уже не стояло в белом выгоревшем небе, а сдвинулось к краю моря, и море там, вдалеке, было темным и пустым...

— Ну что?

Он взгляделся в прыгающую воду.

— Ничего.

— Должна покраснеть.

Мальчик стоял в тени, которую отбрасывала стенка бассейна. Вода была одновременно зеленая, синяя, белая, лиловая, темно-лиловая.

— Ты просто дурак, — сердито сказал мальчик, поправляя плавки, — ничего не видишь. А я видел. Она покраснела. Такое красное облако...

— Нет, — сказал он, — ничего и не покраснела.

— Сева! Сева, паскуда. Я тебе когда сказал вернуться? Я тебе что сказал? Я тебе зачем часы дал, уроду?

Отец чужого мальчика спускался к ним по деревянному настилу. Сейчас он вовсе не казался веселым. Он казался просто очень большим, а Сева вдруг сделался очень маленьким. Наверное потому, что втянул голову в плечи, и отсюда, сверху, стало видно, какие у него выступающие позвонки и беззащитный стриженный затылок с одинокой слипшейся косичкой на худой шее.

— Иду, дядя Саша, — тихо сказал Сева.

— Не слышу, — так же тихо сказал мужчина.

— Иду, — громко сказал Сева.

Он повернулся и стал выбираться из бассейна. На шее, в ямке между ключицами, дрожали капли воды.

Дядя Саша, в белых шортах и белой рубашке с расстегнутым воротом, стоял неподвижно, словно статуя спортсмена у них в школьном дворе.

— Дядя Саша, — окликнул он, и когда тот повернул как бы сложенное из гладких камней лицо, спросил: — А вы, правда, сегодня поплывете на яхте?

— На какой еще яхте? — Тот пожал плечами, потом повторил: — На какой еще, на фиг, яхте? Шевелись, ты, ошибка природы.

Красивые молодые люди

Он смотрел, как они идут к гостиничному корпусу — очень маленький Сева и очень большой дядя Саша.

— Заяц! Ну что же ты? Иди кушать.

Он слышал, что его зовут, но молчал. Тень от отеля, огромная и синяя, подползла совсем близко, и он отступил в эту тень и растворился в ней.

На террасе женщина и мужчина отодвигали стулья, поднимались из-за столика, потому что тень подобралась и к ним, но даже в этом новом полумраке было видно, какие они загорелые и красивые, почти одного роста, и волосы одинакового цвета, просто у нее — пушистые, а у него — гладкие. Он потихоньку подошел к ним и встал как бы сбоку, словно бы ему не было до них дела, но так, чтобы они его заметили. Но они соблюдали конспирацию и прошли мимо, словно бы и не знали его совсем, женщина, правда, глянула на него и чуть заметно подмигнула, и сделала вот так пальцами, словно хотела погладить по голове, но сдержалась. Еще бы, подумал он, за ними ведь наверняка наблюдают...

Он стоял и слушал, как они уходят и переговариваются между собой, тихо-тихо, и только когда они в обнимку спустились со ступенек террасы, до него долетел ее печальный голос:

— Бедный мой, бедный. Что же можно поделать... что же тут поделать.